

Рыцарь без страха и упрека

Газета «Областная» продолжает цикл публикаций, посвященных 75-летию Иркутской области. В нем мы размещаем материалы о личностях, оставивших значимый след в истории Приангарья. В преддверии празднования юбилея – в сентябре 2012 года – эксперты из числа ведущих ньюсмейкеров нашего издания и читатели определяют рейтинг 10 самых значимых фигур в истории Иркутской области. Сегодняшний материал посвящен Льву Мелентьеву, основателю и первому директору Сибирского энергетического института СО АН СССР (с 1997 года – институт систем энергетики им. Л.А. Мелентьева СО РАН), председателю президиума Восточно-Сибирского филиала СО АН СССР (позднее – Иркутский научный центр), организатору строительства Академгородка в Иркутске, инициатору создания энергетических факультетов в вузах Ленинграда, Москвы.

Вызов для Сибири

До академика Мелентьева не существовало целостного учения об энергетике как о комплексной науке; ее в основном рассматривали с практической точки зрения как одну из технических дисциплин. Между тем сегодня без системных исследований энергетики невозможно представить развитие и отдельных территорий, и мирового сообщества в целом.

– Начало развитию академической науки в Иркутске было положено в 1949 году, когда здесь решением правительства организовали Восточно-Сибирский филиал Академии наук СССР. Филиал этот, созданный в основном на базе иркутских вузов, был малочисленным и нацеленным главным образом на решение только региональных задач. Но выделялся институт геологии, возглавляемый первооткрывателем сибирских алмазов Михаилом Одинцовым, – рассказывает директор Института систем энергетики им. Л.А. Мелентьева, член-корреспондент РАН, доктор технических наук, профессор Николай Воропай. – А в 1957

году образуется Сибирское отделение АН СССР – в Новосибирске. Иркутск по каким-то причинам, до сих пор неизвестным, площадку для создания большой науки отстоять не смог. Здесь планировалось развернуть комплекс преимущественно геолого-географического и биолого-химического профиля (в связи со строительством ангарских предприятий).

В 1958 году состоялась вторая конференция по развитию производительных сил Иркутской области. В ней приняли участие корифеи советской науки: академики Бардин, Лаврентьев, Некрасов. Конференция, наконец, рекомендовала создать в Иркутске научный городок, подобный Новосибирскому. Мелентьева, в ту пору известного ленинградского ученого в области теплоэнергетики, уже приглашали прежде в Сибирь, в Транспортно-энергетический институт (ТЭИ), но он отказался – из-за невозможности перепрофилировать ТЭИ для собственных исследований. Поэтому летом 1959 года послом президиума Сибирского отделения АН СССР его председатель академик Михаил Лаврентьев направил к Льву Мелентьеву «известного уговорщика», глубоко уважаемого академика Сергея Христиановича, величину мирового уровня, трижды лауреата Сталинской премии. Христианович сделал Мелентьеву предложение: переехать в Иркутск и возглавить создание нового научного центра. Мелентьев предложение принял, в свои 50 лет посчитав, что сумеет справиться с задачей. Уже имелся достаточно масштабный опыт организационной научной и хозяйственной работы: в 35 лет он стал доктором технических наук и профессором, известным специалистом по вопросам теплофикации, промышленной теплоэнергетики и топливно-энергетического баланса.

Для усиления позиций на новом месте он утверждается членом Государственного научно-экономического совета Совмина СССР и избирается членом-корреспондентом Академии наук, а в 1960 году назначается председателем Президиума Восточно-Сибирского филиала СО АН СССР и директором созданного «под него», как говорится, Сибирского энергетического института (СЭИ).

Созданные Мелентьевым институты Иркутского научного центра внесли и до сих пор вносят весомый вклад не только в российские, но и в мировые перспективные исследования. Разработанная им триединая задача: оптимизации, учета неопределенности, исследования и управляемости свойств систем энергетики – сегодня даже более актуальна, чем в XX веке.

Академик из дворянского рода

Родился Лев Мелентьев 9 декабря 1908 года в Гельсингфорсе (сейчас Хельсинки) – впоследствии по известным соображениям местом его рождения стали называть Ленинград – в семье флотского офицера Александра Николаевича и его жены Ксении Павловны. Мать родом из Барнаула, куда по делу группы болгарского революционера Димитра Благоева был сослан ее отец – из старинного дворянского рода Малороссии – Павел Шатько. Мелентьевы – еще более старинный дворянский род, при первых царях Романовых обосновавшийся в верхневолжском Рыбинском крае. Прозвание семьи исконно русское, церковное. В переводе с греческого Мелентий означает «человек заботящийся». Имя свое Лев получил в честь великого русского писателя Толстого, чей известный портрет в мужицкой рубахе висел над письменным столом деда матери академика Михаила Воронина, ботаника с мировым именем, основоположника микологии – науки о грибах, и фитопатологии – науки о болезнях растений.

Внешне Лев Мелентьев похож был больше всего, утверждали родные, на актера Николая Черкасова, сыгравшего главную роль в фильме «Александр Невский», – высокий, при этом поджарый и статный. Правильные черты лица, крепко посаженная немного откинута назад голова – в этом доминировал особый балтийский тип русского человека. Но в скулах, в разрезе глаз явно прослеживались монгольские черты, доставшиеся ему от документально установленных половецких предков. «Жизнь есть работа и творчество, жизнь есть деяние!» –

таким был испокон веков девиз семьи рода Мелентьевых, и академик Лев Мелентьев ни единым своим поступком не посрамил этот девиз.

Академик Юрий Руденко, второй директор СЭИ и ученик Льва Мелентьева, вспоминал:

- Лев Александрович считал, что успех деятельности научно-исследовательского института в АН определяется правильным решением трех основных задач: выбором научной направленности, подбором и ростом кадров, формированием научно-экспериментальной базы. Для Мелентьева важна была не только квалификация специалиста, приглашаемого на работу, но и его потенциальные возможности, его увлеченность или увлекаемость - «блеск в глазах», человеческие качества. Он искал и создавал единомышленников.

Вообще единству мнения в коллективе по принципиальным, в первую очередь научным вопросам Лев Александрович придавал очень большое значение и для достижения этого единства не жалел времени. В первые годы после создания института подбором специалистов он занимался сам. У него было удивительное умение разбираться в людях, «чувствовать» характер человека, его возможности, даже порой очень скрытые. Лев Александрович был очень внимательным к людям, и это, естественно, вызывало ответное уважение к нему, что не могло не сказаться положительно и на профессиональной деятельности, то есть на работе коллектива института в целом. Внимание Мелентьева к проблемам формирования и развития научно-экспериментальной базы института можно проиллюстрировать хотя бы тем, что уже в 1961 году у нас ввели в эксплуатацию ЭВМ БЭСМ-2 (об этом событии даже сообщили в газете «Нью-Йорк таймс»); затем вычислительный центр СЭИ постоянно наращивался все более совершенными ЭВМ.

При этом Лев Александрович считал, что было бы неверным ограничить научно-экспериментальную базу только цифровой вычислительной техникой, не создавая установки, позволяющие исследовать различные физические явления и процессы в энергетических системах и установках. И такие установки изобретались и показывали прекрасные результаты, каких в ту пору не могли добиться заграничные ученые.

Основатель традиций

Львом Мелентьевым опубликовано около 200 работ, в том числе более 15 монографий по комплексным проблемам энергетики. По нынешним, да и по тогдашним меркам – не так уж и много. Дело в том, что директор СЭИ был удивительно скромным человеком: он всегда вычеркивал свою фамилию из авторов научных, даже коллективных трудов, если не принимал в них непосредственного участия. Зато среди его учеников больше, чем у других ученых, и кандидатов, и докторов технических наук, и даже академиков. Однажды личная скромность даже спасла ему жизнь. По воспоминаниям жены Веры Ивановны, Мелентьев, как обычно не воспользовавшись привилегиями, дающими ему право на первоочередное приобретение билета в самолет, встал в конец длинной очереди. «Билета ему на этот рейс, конечно, не досталось, но так судьба, видимо, распорядилась: тот самолет разбился».

Мелентьев был страстным охотником, но только на пернатую дичь (от отстрела братьев наших меньших отказался еще в юности, услышав плач раненого зайца, похожий на человеческий).

Постоянные спутники Мелентьева вспоминают такой случай: они попали в одно из ленинградских лесничеств, там встретили лесничего, из избушки выскочили встречать гостей пятеро его детей - и все босиком по снегу. Мелентьев затеял игру с ребятами: кто лучше обведет на газете свою ногу; посмеиваясь, показал, что для его ножищи две страницы нужны. Через год группе выдали путевку уже в другое лесничество, но Мелентьев настоял сделать большой крюк и заехать к прошлогодней семье «хотя бы на пять минуток».

Товарищи ворчали, начисто позабыв об игре с ребятами, но просьбу все же выполнили. Каково же было всеобщее удивление, когда Мелентьев вытащил из багажника машины пять пар новеньких крепких ботиночек для детишек лесника, на размер больше, чем обводились стопы на газете! У ребят и их родителей от восторга и изумления лица вначале застыли, но выражений радости и благодарности Мелентьев дожидаться не стал – велел сразу же разворачиваться к назначенному месту.

Или вот еще пример из воспоминаний ведущего научного сотрудника СЭИ, после окончания Ивановского энергетического института приглашенного в Иркутск лично Львом Александровичем, Александром Кошелева:

- В Иркутске в первую зиму пришлось заниматься вопросами теплоснабжения первых домов на Академической улице, отапливавшихся от временной котельной, смонтированной в подвале. Естественно, я не мог предположить, что директор института, по чьим книгам я учился в вузе, будет вместе со мной лазить по грязным подвалам и пыльным чердакам, проверяя уровень воды в отопительных системах, выгоняя из датчиков воздух. А он это делал. Вспоминаю, как при наладке теплоснабжения первых домов Мелентьев посещал наши квартиры, чтобы посмотреть, какая в них температура, имеются ли радиаторы. Не забыть, какой пример интеллигентности он являл, входя в квартиру: с приветливой и извиняющейся улыбкой, рука автоматически снимает головной убор, и в комнате сразу же как будто становилось теплее.

Работа по наладке нашей микросистемы теплоснабжения была непростой: при практически полном отсутствии измерительных приборов в узлах тепловой сети и на абонентских вводах приходилось работать методом тыка, или, по-научному, методом проб и ошибок. Это я сейчас горжусь, что мне выпала честь заниматься той работой с членкором, а тогда мы с Мелентьевым спорили, или, по-научному, дискутировали, действительно на равных. Там, где дело касалось системы «тепловая сеть – отопительные приборы», всегда правым оказывался он, а когда непосредственно водогрейных котлов, то директор соглашался со мной как с бывшим наладчиком парогенераторов. Он был всегда вежлив до щепетильности, но одновременно и суровым, и даже жестким. Как это сочеталось в одном человеке? Наверное, потому, что детство у него было замечательное, а вот ближе к юности, когда девятилетний Мелентьев остался старшим в семье, которая вынужденно переехала из реквизируемой академической квартиры в деревню, именно на Левушку (так его ласково называли домашние) выпала обязанность обеспечивать всех продовольствием. Он рано устроился на работу, и его приняли, учитывая хорошее по тем временам образование. Одновременно работал и продолжал учиться: каждая минута была на счету.

В осажденном фашистами Ленинграде, как вспоминал впоследствии академик, детское увлечение охотой сильно пригодилось: в институте, который возглавлял, наладил производство патронов для ружей, с которыми воевали ополченцы. Хотя сильно голодал, ежедневно стирал в холодной воде воротничок рубашки. Но самодисциплина мало помогла: когда институт эвакуировали в Казань, слез там с тяжелейшим дифтеритом и едва сумел выжить. Оттуда и все его дальнейшие болезни, о которых мало кто знал и от которых он прежде времени, не дожив до 80 лет, скончался. Возможно, сложные перипетии закалили характер.

- Несмотря ни на что, любую ситуацию Мелентьев умел шуточно обыграть, - продолжает Александр Кошелев. - Он обладал оригинальным юмором, и я помню, как созданная по его инициативе в институте стенгазета «Энергия - Сибири» непременно содержала в себе раздел с директорскими афоризмами, например такими: «Надо решать на берегу, как строить мост: поперек реки или вдоль»; «Мы должны делать лишь то, что не может никто другой» – и другими подобными. Его любимой книгой были «Три мушкетера», а любимым автором – Бернар Шоу, и лишь в конце жизни – Олдингтон, герои которого напоминали образ нашего

«рыцаря без страха и упрека». А статуэтка Дон Кихота стояла у Мелентьева в кабинете на столе всегда! И первую команду КВН создали в СЭИ по инициативе Мелентьева; и молодежный клуб, где происходили интересные встречи и велись бесконечные споры; и Илгинское охотничье-спортивное хозяйство, одновременно со спортивно-охотничьим и рыболовным обществом Иркутского научного центра, тоже образовано по его подсказке и поддержке.

В декабре 1975 года академик организовал вечером в кафе первую встречу с ветеранами СЭИ, чтобы послушать, что он делает не так и что они посоветуют своему директору на будущее. Так вот, такие «чай ветеранов» проводятся с тех пор в институте ежегодно. Так же, как и семинары на Байкале для ученой элиты, они стали постоянно действующими по инициативе Льва Александровича. Столетие со дня рождения академика отмечалось проведением шестых Мелентьевских чтений – научного собрания единомышленников и продолжателей его идей.

Для пользы дела он не жалел никого, но в первую очередь себя. Уж если «Москва не сразу строилась», как поется в известной песне, что тогда говорить об Иркутске - в далеком от столицы сибирском крае? Мелентьеву приходилось буквально выбивать из центра не только средства, кадры и материалы для строительства Академгородка, но и новейшее оборудование. Мелентьев ради своевременного «отоваривания» заявок научного центра ходил в Госплан, Госкомитет по науке и технике, в различные министерства, надев все свои ордена Ленина и прочие награды, чего в обычной жизни никогда не делал. Хорошо, что во всех начинаниях его поддерживал первый секретарь обкома партии, член ЦК КПСС Семен Щетинин, которому благоволил бывший тогда руководителем Госплана Алексей Косыгин. К сожалению, в те времена обычно приоритет отдавался союзным республикам, но никак не Сибири.

- Сегодня приоритеты постепенно меняются, - говорит Николай Воропай. – Мы сумели даже в кризисные годы не только сохранить тематику работ, но и расширить ее. В институте трудятся 25 докторов и около 80 кандидатов технических наук. В августе мы проводим конференцию в Иркутске при содействии Министерства энергетики РФ «Энергетическая кооперация в Азии» - для подготовки к предстоящему осенью во Владивостоке саммиту Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества. Наш институт недаром выбран профильным: мы работаем не только со многими регионами России и странами СНГ; было выполнено немало совместных проектов с Японией, Южной Кореей, Вьетнамом, Китаем; сейчас заканчиваем крупный проект о возможности совместимости энергосистем стран СНГ и Европы. В нем участвуют семь российских научных организаций и 12 европейских, среди них из Германии, Великобритании, Швеции, Италии, Словении и других стран.

Сейчас, например, всем очевидно, что без государственного регулирования развития энергетических систем никакое хорошее хозяйство не создашь. Недаром во всех без исключения развитых странах существует государственное управление в энергетике, в том числе, разумеется, и в США. Об этом говорится и в монографии, вышедшей после смерти академика Мелентьева под названием «Очерки истории отечественной энергетики». Ее мы сегодня рассматриваем как итог всех трудов ученого, заложившего основы системных исследований энергетики – как науки дальнейшего прогресса человечества и его безопасности.